

Рождение человека — эпизод 2 из 4

Была там с ними еще одна баба высокая, прямая, плоская, как доска, с лошадиными челюстями и тусклым взглядом черных, точно угли, косых глаз. Вечерами она, вместе с этой в желтом платке, уходила за барак и, сидя там на груде щебня, положив щеку на ладонь, склоня голову вбок, пела высоким и сердитым голосом:

За погостом...

во зелены-их куста-ах

На песочку...

расстелю я белый плат...

Не дождусь ли...

дружка милого мово...

Придет милый...

поклонюся яй ему...

Желтая обычно молчала, согнув шею и разглядывая свой живот, но иногда вдруг, неожиданно, лениво и густо, мужицким сиповатым голосом вступала в песню рыдающими словами:

Ой-да милый...

ой, миленок дорагой...

Не судьба мне...

боле видеться с тобой...

В черной душной темноте южной ночи эти плачевные голоса напоминали север, снежные пустыни, визг метели и отдаленный вой волков...

Потом косоглазая баба заболела лихорадкой и ее снесли в город на носилках из брезента она тряслась в них и мычала, словно продолжая петь свою песню о погосте и песочке.

...Нырять в воздухе, желтая голова исчезла.

Я кончил свой завтрак, закрыл листьями мед в котелке, завязал котомку и не спеша двинулся вослед ушедшим, постукивая кизиловой палкой о твердый грунт тропы.

Вот и я на узкой, серой полосе дороги, справа качается густо-синее море; точно невидимые столяры строгают его тысячами фуганков белая стружка, шурша, бежит на берег, гонимая ветром, влажным, теплым и пахучим, как дыхание здоровой женщины. Турецкая фелюга, накреньясь на левый борт, скользит к Сухуму, надув паруса, как важный сухумский инженер надувал свои толстые щеки серьезнейший человек. Почему-то он говорил вместо тише чише и хыть вместо хоть.

Чише! Хыть ты и боек, но я тебя моментально в полицию... Любил он отправлять людей в полицию, и хорошо думать, что теперь его, наверное, уже давно, до костей обглодали червяки могилы.

...Идти легко, точно плывешь в воздухе. Приятные думы, пестро одетые воспоминания, ведут в памяти тихий хоровод; этот хоровод в душе как белые гребни волн на море, они сверху, а там, в глубине, спокойно, там тихо плавают светлые и гибкие надежды юности, как серебряные рыбы в морской глубине. Дорогу тянет к морю, она, извиваясь, подползает ближе к песчаной полосе, куда вбегают волны, кустам тоже хочется заглянуть в лицо волны, они наклоняются через ленту дороги, точно кивая синему простору водной пустыни.

Ветер подул с гор будет дождь.

...Тихий стон в кустах человеческий стон, всегда родственно встряхивающий душу.

Раздвинув кусты, вижу опираясь спиной о ствол ореха, сидит эта баба, в желтом платке, голова опущена на плечо, рот безобразно растянут, глаза выкатились и безумны; она держит руки на огромном животе и так неестественно страшно дышит, что весь живот судорожно прыгает, а баба, придерживая его руками, глухо мычит, обнажив желтые, волчьи зубы. Что ударили? спросил я, наклоняясь к ней, она сучит, как муха, голыми ногами в пепельной пыли и, болтая тяжелой головою, хрипит:

Уди-и... бесстыжий... ух-ходи...

Я понял, в чем дело, это я уже видел однажды, конечно, испугался, отпрыгнул, а баба громко, протяжно завывала, из глаз ее, готовых лопнуть, брызнули мутные слезы и потекли по багровому, натужно надутому лицу. Это воротило меня к ней, я сбросил на землю котомку, чайник, котелок, опрокинул ее спиной на землю и хотел согнуть ей ноги в коленях она оттолкнула меня, ударив руками в лицо и грудь, повернулась и, точно медведица, рыча, хрипя, пошла на четвереньках дальше в кусты:

Разбойник... дьявол...

Подломились руки, она упала, ткнулась лицом в землю и снова завывала, судорожно вытягивая ноги.

В горячке возбуждения, быстро вспомнив все, что знал по этому делу, я перевернул ее на спину, согнул ноги у нее уже вышел околоплодный пузырь. Лежи, сейчас родишь...

Сбегал к морю, засучил рукава, вымыл руки, вернулся и стал акушером.

Баба извивалась, как береста на огне, шлепала руками по земле вокруг себя и, вырывая блеклую траву, все хотела запихать ее в рот себе, осыпала землею страшное, нечеловеческое лицо, с одичалыми, налитыми кровью глазами, а

уж пузырь прорвался и прорезывалась головка, я должен был сдерживать судороги ее ног, помогать ребенку и следить, чтобы она не совала траву в свой перекошенный, мычащий рот...